Безотрадная ночь киммерийцев: поэзия, история и игра случая

Дмитрий Панченко
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ);
Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге (НИУ ВШЭ),
Россия, dmpanchenko@mail.ru.

Ключевые слова: Гомер; «Одиссея»; киммерийцы; загробный мир; космологические представления; Скандинавия бронзового века.

«Одиссея» помещает «город киммерийских мужей» в непосредственном соседстве с царством мертвых — по ту сторону Океана, в области, которую никогда не освещают лучи солнца. Между тем греческие писатели называют тем же именем «киммерийцы» совершенно реальный, хотя и ненадолго задержавшийся на исторической сцене народ, который в VII веке до н. э. опустошал своими вторжениями Малую Азию и чье имя сходно звучит в ассирийских источниках (*gimir/gamir*). Эта ситуация породила немало изобретательных, подчас диковинных ходов мысли в умах ученых — древних и нашего времени. Особенно влиятельными стали две идеи: согласно одной, киммерийцы являются самым северным народом, живущим в условиях полярной ночи; по другой, гомеровский образ сложился под влиянием сообщений о туманах, накрывающих берега черноморской Колхиды. Общей, однако, была тенденция игнорировать слова поэта о том, что корабль Одиссея помчит к царству мертвых северный ветер. Из них следовало, что загробный мир должен находиться на крайнем юге, и этот вывод, очевидно, казался ученым столь странным, что они предпочитали обходить вопрос молчанием.

В статье объясняется, что локализация царства мертвых в «Одиссее» восходит к бронзовому веку, что за ней стоит засвидетельствованное и в Дании, и в Индии представление о солнечном диске, светлом лишь с одной стороны, причем в «Одиссее» отразился особый вариант этого представления, пришедший, судя по всему, из Скандинавии. Что же касается совпадения — на деле, возможно, похожего звучания — имен вымышленного и реального народов, то это — игра случая, породившая множество игр ума.

1

ПЛАВАНИЕ в царство мертвых — одно из самых захватывающих приключений Одиссея, и в художественном отношении оно принадлежит к лучшим частям поэмы. Эта песнь появилась сравнительно поздно, когда поэт уже далеко продвинулся в своей работе; может быть, даже тогда, когда некий предварительный вариант «Одиссеи» был завершен. Ведь с точки зрения логики странствий Одиссея плавание в страну, откуда люди не возвращаются, не связано ни с предыдущим, ни с последующим; и если в прочие места — к лотофагам, циклопам, лестригонам — Одиссей и его спутники попадают по воле ветра и волн, то в эту ужасную страну он плывет сам, чтобы расспросить прорицателя Тиресия о своем будущем: так велит ему нимфа Цирцея — хозяйка острова, куда занесло его корабль. Новое плавание сочинено поэтом, который уже испытал свои силы в разработке удивительных приключений и почувствовал, что он все может. Со свойственной ему эмпатией он проникается невероятностью подвига Одиссея и его спутников; свое восхищение он вкладывает в уста Цирцеи, приветствующей вернувшихся:

> Люди железные, заживо зревшие область Аида,
> Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды (Od. XII, 21–22)[1].

Впрочем, Гомер не заполняет свой рассказ ужасами и опасностями. Лишь в начале Одиссей ошарашен толпой нахлынувших

1. Здесь и далее «Одиссея» цитируется в переводе Василия Жуковского. В моем представлении автором «Одиссеи», как и «Илиады», был Гомер. Те явные вставки в обеих поэмах, наличие которых побудило аналитиков постулировать распыленное авторство для обеих поэм, я объясняю вмешательством самого Гомера, расширявшего и отчасти перерабатывавшего свои главные произведения в течение многих лет. Все это подробно обоснованно в книге: *Панченко Д. В.* Гомер. «Илиада». Троя. СПб.: ЕУСПб, 2016.

на него из Эреба теней, и к концу он внезапно поддается страху и стремительно пускается в обратный путь. В повествовании о загробном мире, конечно, не мало захватывающих воображение диковинок и подробностей (поэт описывает страну, которая всех нас ждет и о которой до сих пор не от кого было услышать!), но главное ее содержание составляет ряд эпизодов, в которых поэт в полной мере проявляет себя тем, кем его скоро признают, — лучшим на все времена. Скорбный и величественный Ахиллес говорит Одиссею, что предпочел бы стать поденщиком в мире живых, чем быть царем в мире мертвых; Аякс, напротив, отходит прочь, не проронив ни слова, — Одиссей тщетно пытается молить его о прощении за то, что стал причиной его отчаяния и преждевременной смерти; встреча Одиссея с матерью, чья жизнь, как он узнает, завершилась «до срока» из-за тоски по столь надолго пропавшему сыну, его тщетные попытки обнять ускользающую тень. Но Гомер не был бы верен себе, если бы слишком долго держался одной интонации, — той, которую так хорошо прочувствовал древний критик, написавший сочинение «О возвышенном». Плавание к усопшим предваряет трагикомический эпизод. Младший из товарищей Одиссея, Эльпенор, ради прохлады устроился ночью спать на высокой кровле и при этом изрядно выпил. Разбуженный сборами в дорогу, он, не разобравшись, где находится, вместо того, чтобы спуститься по лестнице, рухнул вниз и разбился. В царстве мертвых его тень прежде всех предстает Одиссею. Следует реплика, в которой можно распознать дух культуры, которая вскоре всерьез займется исследованием природы:

> Скоро же, друг Ельпенор, очутился ты в царстве Аида!
> Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном (Od. XI, 57–58).

В свое разнообразное повествование поэт включает несколько строк, не имеющих отношения к делу, но поражающих воображение. В них говорится о стране киммерийцев. Приведем их в контексте:

> Был нам по темным волнам провожатым надежным попутный
> Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель,
> Послан приветноречивою, светлокудрявой богиней;
> Все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно
> Плыли; корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру.
> Были весь день паруса путеводным дыханием полны.

Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
Судно, прибыв, на песок мы встащили; барана и овцу
Взяли с собой и пошли по течению вод Океана
Берегом к месту, которое мне указала Цирцея (Od. XI, 6–22).

Шли, пока не пришли — говорится в оригинале. В указанном Цирцеей месте Одиссей совершает жертвоприношение мертвым, и туда к нему устремляются тени. Страна киммерийцев, стало быть, находится где-то совсем по соседству с царством мертвых. Если начать размышлять, тут многому приходится удивляться. Что за странное местожительство для какого бы то ни было народа по соседству с мертвыми? Причем народ, судя по тому, как о нем говорится, сам по себе не должен быть каким-то диковинным. Перевод Жуковского, как и следует, завораживает, но иногда в нем пропадают существенные смысловые оттенки: где в переводе ст. 14 мы читаем «киммериян печальная область», у Гомера сказано «там народ и город киммерийских мужей» (*ἔνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμός τε πόλις τε*). Этим словосочетанием — народ и город — поэт регулярно обозначает цивилизованные сообщества. Третья странность: присутствие киммерийцев в их собственной стране никак более не обозначается, Одиссей и его товарищи с ними не соприкасаются ни по прибытии, ни по отбытии из их владений.

Этим странностям мы, пожалуй, найдем правдоподобное объяснение. Греческая эпическая традиция — более древняя, чем поэмы Гомеры — была разнородной. Одну ее составляющую сформировали героические песни, прославлявшие силу и удаль похитителей стад. Другую — песни, прославлявшие морских рейдеров, вроде тех, что приплыли на кораблях разграбить и сжечь Трою. Объектом подвигов этих героев как раз и были «народ и город». При этом стихотворная манера Гомера во многом зиждется на традиционной импровизационной технике, широко использующей готовые клише. Можно сказать, что в случае с киммерийцами поэт следует определенной инерции: если Одиссей, «разрушитель городов» (Il. II, 278), направляет путь к какому-то берегу, то там есть какой-то «народ и город».

А ничьей земли, в традиции морских рейдеров то ли не бывает (разве что на небольших отдаленных островах), то ли она не интересна. То, что киммерийцы никак не участвуют в действии, тоже понятно. С одной стороны, как изобразить людей, скрытых облаками и туманом? С другой стороны, что ни придумывай, все будет не так интересно, как путешествие в страну мертвых.

Труднее истолковать столь близкое соседство как бы обычного народа с загробным миром. Внятных объяснений я не встречал, аналогии в мировом фольклоре мне неизвестны. Кое-что все же можно придумать. «Скрытые туманом и облаком» (*ἠέρι καὶ νεφέλῃ κεκαλυμμένοι*), киммерийцы тем самым — люди невидимые, а насчет соседства невидимых людей со страной мертвых до нас дошел увлекательный рассказ. Его приводит Прокопий Кесарийский (Procop. Bell. Goth. IV, 20, 48–57); речь идет об особом месте на острове Бриттия, куда собираются души умерших:

> На берегу океана, обращенному к острову Бриттии, находится много деревень. В них живут люди, занимающиеся рыбной ловлей, обработкой земли и плавающие на этот остров по торговым делам. Они все подчинены франкам, но никогда не платили им никакой дани, издревле освобожденные от этой тяготы, как говорят, за некую услугу, о которой я сейчас расскажу. Говорят, что на них возложена обязанность по очереди перевозить души умерших. Те, кому обычно в наступающую ночь по порядку предстоит идти в наряд, как только начнет смеркаться, уйдя к себе домой, ложатся спать, ожидая того, кто позовет их на работу. Глубокой ночью они слышат стук в дверь, и чей-то глухой голос зовет их на эту работу. Они без всякого промедления поднимаются с ложа и идут на берег, не соображая, какая сила толкает их так действовать, но тем не менее, ощущая необходимость так делать. Там они видят уже готовые корабли, но совершенно без людей, при этом корабли не их, а совершенно другие. Взойдя на них, они берутся за весла и чувствуют, как эти корабли перегружены массой взошедших на них, так что они осели в воду до края палубы и до самых уключин, поднимаясь над водой на какой-нибудь палец; видеть же они никого не видят. Таким образом они гребут целый час и пристают к Бриттии. Когда же они плывут на своих кораблях тоже без парусов, на одних веслах, они с трудом за сутки совершают этот переезд. Когда они пристанут к острову, тотчас же происходит высадка, и тотчас эти корабли у них становятся легкими и, поднявшись над волнами, сидят в воде

только до киля. Из людей они не видят никого, — ни тогда, когда плывут с ними, ни тогда, когда они высаживаются с корабля, но они говорят, что слышат какой-то голос, который, как кажется, называет принимающим эти души по имени каждого из тех, которые плыли вместе с ними, прибавляя указание на прежние их должности, которые они имели, и называя также их отчество. Если случится, что с ними плывут и женщины, то произносятся и имена мужей, с которыми они жили. Вот что местные жители говорят происходит здесь[2].

Бриттия — это Британия. Некоторые географические подробности у Прокопия выглядят странно, однако принадлежность приведенного рассказа северо-западной Европе сомнений не вызывает. В англосаксонской эпической поэме «Беовульф» умершего вождя в богато оснащенной ладье пускают в море плыть по воле течений (32–52). В скандинавском «Видении Гюльви» тело Бальдра боги переносят в его ладью, с тем чтобы зажечь на ней погребальный костер и пустить ладью в море[3]. Погребальные сооружения, сложенные из камней и имеющие форму корабля, также подразумевают плавание умершего в царство мертвых; более всего они характерны для Скандинавии, где некоторые из них датируются поздним бронзовым веком[4].

Тут логика в общем-то понятная: если страна мертвых лежит за морем, а мертвых много, то нужны перевозчики; и поскольку обычные люди из страны мертвых не возвращаются, то, по крайней мере, часть контингента, осуществляющего транспортировку душ, должна быть особого свойства: их никто никогда не видел, они — невидимые люди. Можно представить, что в какой-то момент в чьих-то головах невидимые люди стали особым народом. Спустя какое-то время в других головах возник вопрос: а что это за народ невидимых людей, почему их не видно? В обыденной жизни любые предметы и в том числе люди становятся невидимыми, оказавшись в густом тумане. Для обитателей северных берегов это слишком хорошо знакомый опыт.

2. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Наука, 1950. С. 443–444.
3. Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006. С. 49. Параллели отмечает Мартин Уэст: *West M. L.* Indo-European Poetry and Myth. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 390).
4. *Müller-Wille M.* Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte. Neumünster: Wachholtz, 1970 (= Offa, Bd. 25/26, 1968/1969). S. 14–17.

Грекам он тоже не был неведом. Когда в «Илиаде» боги хотят внезапно скрыть от глаз своих любимцев, они их окутывают туманом. Одетыми в туман и облако плавают сказочные корабли феакийцев, один из которых, преодолевая за ночь расстояние, бог знает скольких дней или месяцев пути, доставляет Одиссея на Итаку; сам Одиссей в пути спит, и когда просыпается на берегу, не видит уже ни корабля, ни корабельщиков. Тут сходство с рассказом Прокопия значительно, и на это сходство еще в 1832 году обратил внимание Фридрих Готлиб Велькер[5]. Вместе с тем мифологическое прошлое феакийцев в «Одиссее» выдают лишь родимые пятна. Их страна представлена в поэме образцом цивилизованной жизни — гостеприимной и мирной; даже в спорте феакийцы культивируют быстроту ног, а не мощь кулаков. Здесь хорошо: в бархатном плену у Калипсо Одиссей скучает; на Итаке он борется; у феакийцев он почти что счастлив. Впрочем, лишь день, не больше. Одиссей побуждает гостеприимных людей скорее доставить его на Итаку. И народ, который в рассказах смутных далеких веков занимался тем, что перевозил души в страну без возврата, гомеровского героя, напротив, возвращает домой.

У нас нет, кажется, ни малейшей возможности составить более четкое представление о том образе феакийцев, каким его из предания получил Гомер; ясно только, что поэт переработал его почти до неузнаваемости. Поскольку в «Одиссее» царство мертвых находится за морем, на том берегу, не кажется несообразным предполагать, что и киммерийцы, как будто единственные из смертных, живущие *там* и остающиеся невидимыми, некогда служили перевозчиками душ. В таком случае находит объяснение их соседство со страной мертвой и отчасти — их постоянное пребывание среди тумана и мглы облаков.

Но почему поэт прибавляет, что на киммерийцев никогда не смотрит солнце?

К этому мы вернемся в свое время. А пока обратимся к главному парадоксу, связанному с киммерийцами.

2

Именем киммерийцев Каллин, поэт середины VII века, называет совершенно реальный исторический народ: «Ныне вой-

5. *Welcker J. G.* Kleine Schriften. Bonn: E. Weber, 1845. T. 2. S. 1–59.

ною идет киммерийцев грозное войско». Страбон, сохранивший для нас эту строчку, поясняет, что имеется в виду поход на Сарды, столицу Лидийского царства (Strab. XIV, 1, 40). А чуть выше он говорит о бедствии, постигшем жителей греческого города Магнесии: «они были совершенно истреблены трерами, киммерийской народностью, хотя в течение долгого времени жили счастливо» (ibidem; пер. Г. А. Стратановского). Греки называли Керченский пролив Боспором Киммерийским. Кое-что о пребывании киммерийцев в сопредельных с проливом областях и о том, что их заставило переселиться, сообщает Геродот. К достоверности его сообщений можно относиться по-разному, но воинственная активность киммерийцев в Закавказье в конце VIII века и Малой Азии в VII веке до н. э. — это уже сфера безусловного; на этот счет у нас имеются ассирийские источники, причем их данные неплохо согласуются с греческими. В частности, мы слышим, что от рук киммерийцев погиб лидийский царь Гигес, весьма знаменитый среди своих греческих соседей. Около конца VII века киммерийцы были основательно разбиты войском лидийского царя Алиатта, и с тех пор о них ни слуху, ни духу. Как бы ни объяснять полное исчезновение этого народа, его историческая реальность не подлежит сомнению. Причем имена, которыми их называли ассирийцы и другие ближневосточные народы, превосходно сопоставимы с их греческим именем[6].

Как тут быть? Ведь это явное *недоразумение*: реальные люди тождественны баснословным соседям мертвых!

Сказанное в предыдущем разделе, по-видимому, располагает к следующему решению: киммерийцы «Одиссеи» — в основе сво-

6. О киммерийцах см.: *Tokhtas'ev S. R.* Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus. 1996. Vol. 2. Fasc. 1. S. 1–46; *Idem.* Cimmerians // Encyclopædia Iranica. Vol. V. Fasc. 6. P. 563–567. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/cimmerians-nomads; *Иванчик А. И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н. э. М.: Институт всеобщей истории, 1996; *Он же.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII веков до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005. С. 53–66; *Bridgman T.* Who Were the Cimmerians? // Hermathena. Summer 1998. № 164. P. 31–64; *Xydopoulos I. K.* The Cimmerians: Their Origins, Movements and Their Difficulties // The Danubian Lands Between the Black, Aegean and Adriatic Seas / G. R. Tsetskhladze et al. (eds.). Oxford: Archaeopress, 2015. P. 119–126.

ей народ мифический; сходство его имени с именем исторического народа — игра случая. Некоторые ученые так и решили — даже не пускаясь в рассуждения о предыстории киммерийцев, подобные сформулированным выше. Они остались в меньшинстве, и обсуждение этой версии мы пока отложим.

Путь для взглядов большинства современных ученых проложили ученые древние. Воспользуемся снова «Географией» Страбона. Этот ученейший труд писался во времена императора Тиберия (14–37), и в нем аккумулирована богатая исследовательская традиция (непосредственным образом нам теперь недоступная). Пояснив, что Страбона интересуют не киммерийцы как таковые, а географический кругозор Поэта, приведем две характерные цитаты:

> На основании реальных сведений о том, что киммерийцы жили у Киммерийского Боспора, в мрачной северной области, Гомер соответственно перенес их в какую-то мрачную область по соседству с Аидом — подходящую местность для мифических рассказов о странствованиях Одиссея. Авторы «хроник» доказывают, что Гомер знал киммерийцев, так как вторжение киммерийцев относится ко времени или немного раньше Гомера, или даже еще в гомеровскую эпоху (I, 2, 9; пер. Г. А. Стратановского).

> Гомер знает и Боспор Киммерийский, так как он знает киммерийцев (ведь невероятно, что, зная имя киммерийцев, он не знал бы о самом народе) — киммерийцев, которые в гомеровские времена или немного раньше опустошали набегами целую область от Боспора вплоть до Ионии. Он намекает на туманный климат их страны (I, 1, 10; пер. Г. А. Стратановского).

Ученые нового времени конкретизировали рассуждение Страбона ссылкой на описание в одном из сочинений, приписанных Гиппократу, климатических условий Колхиды. Там такие туманы! С этим были сопоставлены данные ассирийских источников, располагающие предположить, что в конце VIII века киммерийцы как раз находились в Колхиде или по соседству с ней. Так что Гомеру, по логике этих ученых, оставалось лишь придать относительно точным сообщениям о киммерийцах некий поэтический флер.

И мы должны в это поверить? Что на берегах Черного моря есть область, о которой кому-то пришло в голову утверждать, что она никогда не освещается лучами солнца? И что греки с довери-

ем отнеслись к подобным рассказам? Нет, мы решительно присоединимся к тем, кто подчеркивает, что гомеровские слова об условиях жизни киммерийцев не совместимы с какой бы то ни было географической реальностью[7].

Но сделав этот шаг, мы еще ничуть не приблизились к разрешению главного парадокса; как вышло так, что исторический народ предстал в «Одиссее» в столь странном свете — вернее, совсем лишенным света? Если считать, что в поэме отразились сведения о реальных киммерийцах, то такое отражение не назовешь ни кривым зеркалом, ни испорченным телефоном; это что-то, ни на что не похожее!

Четверть века назад была предложена конструкция, которая позволяет перекинуть мост от подлинных киммерийцев к гомеровским. Суть ее сводится к идее, что локализация киммерийцев в стране мрака, связана с неадекватной передачей информации, полученной из ассиро-вавилонских источников. На знаменитой вавилонской карте мира область, расположенная на севере / северо-западе, обозначена словами: «там, где не видно солнца». Для обитателей средних широт северного полушария солнце на севере действительно никогда не показывается, и можно предположить, что в данном случае слова «там, где не видно солнца» выступают синонимом севера (северо-запада). Грозные вторжения киммерийцев в Малую Азию начались еще за несколько десятилетий до того, как они захватили Сарды (около 644 года до н. э.), и грекам, живущим в Малой Азии, было, конечно, интересно узнать, откуда взялся неизвестный доселе и опасный народ. Какой-то ассириец объяснил какому-то греку (купцу или наемнику), что киммерийцы явились оттуда «где не видно солнца», имея в виду, что те пришли с севера / северо-запада. Идиома, воспринятая слишком буквально, дошла до Гомера, который скорректировал ее в духе относительного правдоподобия, так что страна киммерийцев предстала в придачу скрытой туманом и мглой облаков. Автор этой гипотезы открыто признавал, что она является «конечно же, предположительной».

Этим автором был автор этих строк[8]. Одни предложенную идею восприняли благожелательно, другие — скептически. Воз-

7. *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. С. 57.
8. *Panchenko D.* The Perpetual Darkness of the Cimmerians: An Explanation // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. P. 396–398.

можно, скептики были правы, но они ничего не предложили взамен. Вновь зазвучала старая песня о том, что «Одиссее», вероятно, предшествовала недошедшая до нас эпическая поэма «Аргонавтика», а поскольку греки локализовали главные приключения аргонавтов в Черном море, а там и Боспор Киммерийский и т. п., то, должно быть, киммерийцы пришли в «Одиссею» из «Аргонавтики»[9]. Признаться, от моего понимания ускользает то, как такого рода гипотеза приближает нас к разрешению главного парадокса: каким образом реальные люди оказались лишенными солнечного света соседями покойников? Более того: применительно именно к киммерийцам конструкция с «Аргонавтикой» представляет собой не что иное как недоразумение.

3

Цирцея, от которой Одиссей слышит, что ему надлежит совершить плавание в царство теней, объясняет, как туда попасть: «твой корабль понесет дыхание северного ветра» (*τὴν δέ κέ τοι πνοιὴ Βορέαο φέρῃσιν* (Od. X, 507)). Стало быть, царство теней находится на юге. Можно уточнить, что оно помещается на крайнем юге, ибо на пути туда Одиссею надлежит пересечь поток Океана (X, 508; XI, 13). Там же, по ту сторону Океана, на крайнем юге, обитают киммерийцы. Таким образом, гомеровским киммерийцам совершенно нечего делать на берегах Черного моря — в Колхиде или где бы то ни было!

Насколько к науке применимо газетное выражение «заговор молчания», то это тот самый случай: в абсолютном большинстве авторитетных, в том числе справочных работ, посвященных киммерийцам, приведенный стих попросту не упоминается, это стало научной традицией. Как такое возможно? Дело в том, что ученые не любят говорить о том, что им непонятно. А если о чем-то промолчали Авторитеты, то и для других готово оправдание, что они заблуждались вместе с великими. Ведь это лишь в наши дни право на ошибку гарантировано каждому, кто достиг совершеннолетия, а в XIX веке и на протяжении большей части XX-го к Зна-

9. В таком духе рассуждают, в частности: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. С. 59–62; *West M. L.* The Making of the Odyssey. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 39.

нию и собственным притязаниям на знание относились более трепетно.

Переходя к более конкретным обстоятельствам, ученым, судя по всему, было непонятно, как царство мертвых, а с ним и страна киммерийцев могут находиться на юге. Не на западе, где солнце заходит, не на севере, где (глядя с территорий, занятых древними цивилизациями Евразии) оно никогда не показывается, даже ни на востоке, где оно как бы воскресает, даруя иным умам надежду на то, что там область вечной прекрасной жизни, — а на юге[10]! Идея загробного царства, расположенного на юге, столь далека от сознания эллинистов, что авторы классического труда, посвященного греческим погребальным обычаям, ничтоже сумняшеся заявляют, что Гомер помещает это царство на западе[11].

Применительно же к киммерийцам казалось, что просто необходимо помещать их страну на севере. Ведь Киммерийский Боспор (Керченский пролив) на север от Эгеиды; к тому же древние филологи, будучи людьми образованными, знали о таком явлении, как полярная ночь на далеком севере, и в результате сформировалась почтенная комментаторская традиция, которая объявляла киммерийцев самым северным народом.

Для киммерийцев у меня нет отдельного объяснения, почему их поместили на крайнем юге, однако на причину размещения там загробного царства я могу указать. Мы увидим, что это произошло с учетом космологических построений протонаучного свойства. Подобное утверждение, вероятно, звучит неожиданно, однако примем в соображение, что в «Одиссее» речь идет о месте, лишенном солнечного света. А природа солнечного света — это вопрос космологический.

Для непосредственного восприятия солнце предстает излучающим свет диском. У диска должна быть другая сторона — какая она? Тоже светлая или, может быть, темная? Анаксимандр Милетский, автор первого в мировой истории естественно-научного сочинения (опубликованного в 546 году до н. э. или чуть позже), предположил, что солнечный свет и тепло исходят толь-

10. Богатый материал на этот счет можно найти в кн.: *Подосинов А. В.* Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах. М.: Языки русской культуры, 1999.
11. *"Homer and later Greeks placed the home of the dead to the west, if anywhere"* (*Kurtz D. C., Boardman J.* Greek Burial Customs. L.: Thames and Hudson, 1971. P. 194).

ко с одной стороны. Правда, его солнце было не диском, а колесообразным (может быть — кольцеобразным) агрегатом, оболочку которого образовал плотно сгустившийся туман; оболочка эта заключала в себе огонь, вырывающийся наружу сквозь единственное «устьице» — видимое нами солнце. Эта концепция позволяла объяснить, почему солнечный огонь (обуславливающий свет и тепло) не распыляется в пространстве и солнце, как мы видим, сохраняет свою форму; а также — почему оно описывает круги и почему не падает. Идея Анаксимандра была отброшена уже в следующем поколении. Стало доступным знание, которое делало его изобретательную концепцию невозможной. А именно появились заслуживающие доверия сообщения о том, что, в то время как в Эгеиде полуденное солнце всегда наблюдается на юге, в Эфиопии и других странах, лежащих за тропиком Рака, в разгар лета полуденное солнце видят на севере. Следовательно, не может быть, чтобы у солнца только одна сторона была светлой. После этого шаг за шагом, в течение нескольких десятилетий или чуть больше, греческая наука пришла к выводу, что солнце по форме является огромным шаром[12]. Но это из области становления греческой теоретической космологии в VI–V веках до н. э. — явления исторически исключительного. А что могли думать о солнце в донаучную эпоху?

Мы привыкли строить предположения о такого рода вещах исходя из текстов, созданных цивилизациями Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Следует, однако, учитывать, что для этих цивилизаций характерны пантеоны, состоящие из антропоморфных богов. Там, где важнейшими вещами в природе и человеческой жизни распоряжаются Хозяева, важно знать то, как повлиять на их волю, а не то, какой логике следуют природные явления. Сопоставление религиозных представлений различных индоевропейских народов, на первый взгляд, располагает думать, что пантеон из могущественных персонажей был среди индоевропейцев универсальным и, так сказать, изначальным явлением. Тем не менее истори-

12. Этот идейный процесс реконструирован мной в статьях: *Panchenko D.* Anaximenean Astronomy in the Light of Chinese Parallels // Tsinghua Studies in Western Philosophy. 2015. Vol. I. № 2. 412–426; *Панченко Д. В.* Формирование представления о шарообразности Солнца в греческой философии и науке // ΣΧΟΛΗ. 2019. Т. 13. № 1. С. 235–250.

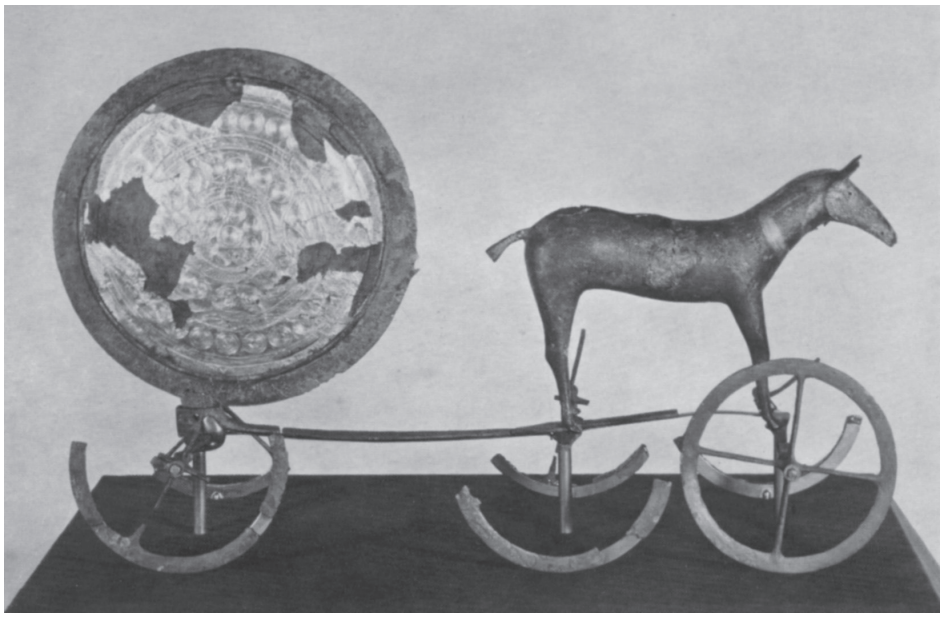

Рис. 1. Трундхольмская «колесница солнца».

ческие свидетельства и археологические памятники указывают на иную религиозную ситуацию для многих областей Западной Европы в бронзовом, а отчасти и железном веке: умы людей были заняты не столько похожими на царей и цариц божественными персонажами, сколько природными силами. В частности, несомненен интерес к солнцу. Например, исследованиями было показано, что ряд погребальных сооружений и выкладок из массивных камней на территории Ирландии, Англии и Швеции делались с учетом наблюдения за точками восхода солнца на горизонте. Природа солнечного света и тепла должна была особенно занимать тех, в чьей жизни сезонные переходы от тепла к холоду и от света к продолжительной темноте весьма чувствительны. Конечно, ничто не принуждало обитателей Европы бронзового века решать, с одной или с обеих сторон солнце светлое, однако почва для интереса к такого рода идеям, коль скоро кто-нибудь отваживался пустить их в оборот, наличествовала. Во всяком случае, представление о солнечном диске, светлом с одной стороны и темном — с другой, засвидетельствовано на двух отдаленных концах индоевропейского мира — в Скандинавии и Индии.

В 1902 году в одном из болот Дании, близ Трундхольма, была найдено примечательное изделие из бронзы — лошадь, перевозящая диск, причем и диск, и лошадь поставлены на колеса (рис. 1).

Трундхольмскую повозку датируют временем около 1300 года до н. э.

Лошадь поставлена на колеса потому, что ее возили в церемониальных процессиях (сохранилось отверстие для веревки)[13]. Диск единодушно отождествляют с солнечным. Дело в том, что на бронзовых бритвах из Дании и на петроглифах из западной Швеции, по времени близких Трундхольмской повозке, встречаются изображения лошади, к которой привязан диск; при этом ассоциация между солнцем, лошадью и колесом засвидетельствована для целого ряда индоевропейских народов.

Правая сторона диска покрыта золотыми пластинами, разнообразно орнаментированными. Его левая сторона, как показали тщательные исследования, позолоты никогда не имела. При этом, если смотреть на повозку со стороны позолоченной части диска, то лошадь выглядит движущейся слева направо — именно таким для обитателей северного полушария предстает дневное движение солнца от восхода к закату. Таким образом, нет причин сомневаться в том, что позолоченный диск трундхольмской повозки изображает солнце, у которого одна сторона светлая, а другая — нет.

Чтобы составить более адекватное представление об идее, стоящей за различием двух сторон трундхольмского диска, следует обратиться к материалам, происходящим с восточной окраины индоевропейского мира. В ряде санскритских текстов, с особой отчетливостью в Айтарее-брахмане (III, 44, 7) утверждается, что солнце ни заходит, ни восходит, но по окончанию дня поворачивается своей светлой стороной к небу, а по окончании ночи — к земле. Намеки на эту идею имеется уже в гимнах Ригведы, посвященных солнечному божеству Сурье: «Бесконечна светла одна его сторона, другую, черную…» (I, 115, 5); «Одна (твоя сторона), обращенная к востоку, вращается по темному пространству; благодаря другой ты восходишь со (своим) светом» (X, 37, 3; пер. Т. Я. Елизаренковой)[14].

Но какая в точности идея стоит за Трундхольмской повозкой? Это превосходно объяснил Кнут Ларсен[15]. Небесный конь перемещает по небу солнечный диск — вспомним о колеснице

13. *Glob P. V.* The Mound People. Danish Bronze-Age Man Preserved. L.: Cornell University Press, 1974. P. 103.
14. Менее однозначен смысл I, 164, 38. См. также: *Kirfel W.* Die Kosmographie der Inder. Bonn; Leipzig: Kurt Schroeder, 1920. S. 25 f.
15. *Larsen K. A.* Solvogn og Solkult // Kuml. 1955. Vol. 5. № 5. P. 46–64.

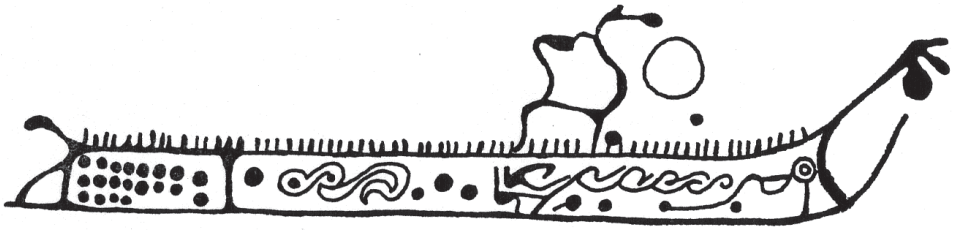

Рис. 2. Петроглиф из Эстерётланда, Швеция.

Гелиоса или о конях Сурьи. Достигая западных пределов, небесный конь разворачивается и движется назад; в результате солнечный диск поворачивается к нам своей темной стороной — наступает ночь.

При этом выходит, что ночью светлая сторона солнца обращена к людям, живущим на юге. И это еще мало помогает понять ситуацию с расположенными на далеком юге царством мертвых и странной киммерийцев, постоянно лишенных солнечного света: по изложенной схеме, солнце им будет светить тогда, когда у нас ночь. Однако идеи иногда развиваются! Представление о солнечном диске, светлом лишь с одной стороны, и образ коня, переносящего по небу этот диск с востока на запад и обратно, сформировались, вероятно, в причерноморских степях или сходном ландшафте — там, где солнце не садится в море и не прячется за горами. Когда это индоевропейское представление вместе с носителями культуры боевых топоров достигло атлантических регионов Европы, оно пришло в противоречие с местным представлением о солнце, опускающемся вечером в море и затем перевозимом к области восхода на лодке, корабле или каком-то особом плавсредстве. При этом в Скандинавии, где Гольфстрим делал возможными регулярные контакты с заполярьем, попросту знали или скоро выяснили, что представление, пришедшее с востока, не может быть в полной мере разумным: ведь летом бывает так, что далеко на севере солнце вообще не заходит, но описывает над горизонтом полный круг и, следовательно, вовсе не разворачивается. Тогда (догадываемся мы) местные интеллектуалы нашли компромиссное решение: они не отказались от столь очевидного для них кругового движения солнца от восхода к восходу, однако же коня с диском сохранили; днем конь с солнечным диском летит по небу, а ночью, как пассажир, не расставаясь с диском, плывет на корабле; обыкновенно этот диск скрыт от глаз корабельным бортом или каким-то особым способом, но иногда, в разгар лета, красуется на палубе (рис. 2).

Правда, творцам подобной гипотезы (которых я воображаю на одном из скандинавских берегов Северного моря) могли и, наверное, должны были задать вопрос: если светлая сторона солнечного диска всегда обращена к пространству внутри круга, то почему мы, в отличие от далеких (сейчас бы сказали — заполярных) северян никогда не видим солнце ночью? На такой вопрос можно было представить внешне вполне правдоподобный ответ: ночное солнце далекого севера — низкое; и поскольку оно едва поднимается над горизонтом, его от нас закрывают горы (северная Норвегия и северная Швеция действительно гористы)[16].

Древние, жившие среди природы, очень хорошо знали то, что солнце лишь два раз в год восходит строго на востоке и заходит строго на западе и что от солнцеворота к солнцевороту точки восхода и захода солнца на горизонте попеременно смещаются то на юг, то на север. В декабре солнце кажется восходящим далеко на юге и описывающим низкую и короткую дневную траекторию вдалеке от нас. В соответствии с реконструируемыми здесь представлениями получалось, что те южане, что живут по нашу сторону той траектории, которую солнце описывает в день зимнего солнцестояния, хотя бы на короткое время увидят солнце. Но те, что живут по другую сторону, не увидят солнечный свет никогда. Ибо днем к ним обращена темная сторона солнечного диска; ночью же, когда в силу кругового движения светлая сторона диска смотрит с севера на юг, этот свет до них не доходит. В такой ситуации и оказались обитатели гомеровского царства мертвых и гомеровские киммерийцы. И чтобы приплыть в эти края, необходимо подставить парус северному ветру.

Можно, казалось бы, возразить, что в любой стороне горизонта, а не только на юге, за пределами самой дальней солнечной орбиты будет вечная тьма. Однако северные горы (в обсуждаемой конструкции) закрывают именно юг, а не восток или запад, а полуденное солнце, светящее с юга, слишком высоко, чтобы северные горы помешали осветить пространство, лежащее за ними с северной стороны (в чем неоднократно убеждались мореплаватели). Таким образом, на западе, востоке и севере области, лежа-

16. Подробнее см.: *Панченко Д. В.* Рипейские горы и Арктика: о происхождении одного влиятельного представления // Новый Гермес. 2021. Т. 13. № 4. С. 51–80.

Рис. 3. Погребальное сооружение в виде корабля, Готланд (фото автора).

щие за пределами самой дальней солнечной орбиты, в какую-нибудь часть суток все же получат освещение; и только на крайний юг путь солнечным лучам во всякое время будет перекрыт. Там и уместно находится царству мертвых, а заодно и киммерийцам, коль скоро в силу каких-то причин их страна оказалась помещенной по соседству.

С нашей логикой хорошо согласуются факты археологии. Судя по ориентации тел в погребениях последних веков II тыс. до н. э. на территории Дании, царство мертвых там регулярно (хотя и не исключительно) мыслилось находящимся на юге[17]. Сходным образом погребальные сооружения в виде кораблей, относящиеся к позднему бронзовому веку (одно из них на рис. 3), в большинстве своем ориентированы с севера на юг[18].

Наконец, можно указать на текст, который одновременно подтверждает и реальность восстанавливаемой нами идеи (согласно которой областью, вечно лишенной солнечного света, мыслится область, лежащая по ту сторону, «за спиной» суточных обращений солнца), и ее наличие в Скандинавии. Саксон Грамматик в своей «Истории датчан», написанной в нача-

17. *Glob P. V.* Danish Prehistoric Monuments. L.: Faber, 1971. P. 140, 177.
18. *Kaul F.* The Possibilities for an Afterlife. Souls and Cosmology in the Nordic Bronze Age // Between the Worlds. Contexts, Sources, and Analogues of Scandinavian Otherworld Journeys / M. Egeler, W. Heizmann (eds). B.; Boston: De Gruyter, 2020. P. 185–202, esp. 187.

ле XIII века и содержащей, помимо исторических сведений, много легендарного и мифологического материала, уходящего в глубь веков, рассказывает о двух путешествиях Торкилля на край света. Оба предпринимаются по инициативе короля Горма. В первом, в страну Герута, молодой король сам участвует, во всем, однако, доверяясь опыту Торкилля. Второе он затевает из желания узнать, куда после смерти отправится его душа, и враги Торкилля внушают королю мысль, что знание об этом может прийти только от божества и потому нужно отправить Торкилля к обиталищу Угардилока. Общим для обоих путешествий является то, что их конечная цель лежит в области вечной ночи. Этот мотив отчетливей выражен в рассказе о втором плавании:

> Они отправились в путь и приплыли в страну, над которой никогда не бывает солнца, которая никогда не знает звезд и которую не наполняет свет, в страну, которая покрыта мраком вечной ночи (VIII, 15, 3). <…> высадившись со своими товарищами на берег, он ступил на землю, где вечная ночь никогда не чередуется со светом» (VIII, 15, 7)[19].

При этом мельком говорится, что Торкилль исследует область, лежащую за пределом мира (VIII, 15, 5)[20]. Что это значит, раскрывается в наиболее интересной для нас фразе, звучащей в связи с первым еще путешествием, в страну Герута:

> Как уверяли знающие люди, чтобы попасть туда, нужно переплыть омывающий всю землю Океан, *оставить позади себя солнце* и звезды и, опустившись в Бездну, добраться наконец до мест, где нет света и где царит вечный мрак (VIII, 14, 1)[21].

Итак, чтобы попасть в страну вечной ночи, нужно переплыть Океан (в точности, как в «Одиссее»!) и оставить за спиной солнце. Можно ли это понять как-либо иначе (с докоперниковой точ-

19. *Саксон Грамматик*. Деяния данов: В 2 т. (16 кн.). Т. 1: Кн. I–IX / Пер. и комм. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко. М.: Русская панорама, 2017. С. 315, 316.
20. В слегка уклоняющемся от точности переводе Андрея Досаева Торкилль исследует земли, «лежащие на краю света» (Там же. С. 315).
21. Там же. С. 308 (ср.: *ambitorem namque terrarum Oceanum navigandum, solem postponendum ac sidera, sub Chao peregrinandum ac demum in loca lucis expertia iugibusque tenebris obnoxia transeundum expertorum assertione constabat*).

ки зрения), нежели оказаться по ту сторону всех, какие только бывают, суточных орбит солнца? И работает ли это в случае, если солнце — шар, светлый со всех сторон, или хотя бы диск, обе стороны которого излучают свет? Единственным естественным выводом кажется тот, что Саксон Грамматик исходит именно из того представления, которое мы реконструировали.

Правда, Торкилль и его спутники плывут не на юг, а на север, но это плохо согласуется с приведенным чуть выше суждением «знающих людей», согласно которому путь в страну мрака — это путь вниз («опустившись в Бездну»). Когда латинские авторы, древние и средневековые, рассуждают в категориях верха и низа Земли и ее водной поверхности, то под верхом они регулярно имеют в виду север (поскольку видимый небесный полюс в этой системе представлений мыслится средоточием обращения звезд и верхом небесного купола) и, соответственно, низом выступает юг. Достойно внимания в этой связи, что Одиссей и его собеседники, говоря о путешествии в царство мертвых, используют глаголы, обозначающие движение вниз (Od. XI, 164, 475; XXIII, 252)[22]. Ко времени Саксона Грамматика в Дании давно и хорошо знали о полярной ночи на далеком севере, и, возможно, поэтому направление плавания в область вечной ночи было изменено на противоположное.

Между тем представление об области, лежащей «позади солнца», причем на далеком юге, мы находим у знаменитого современника Саксона — Данте, и не где-нибудь, а в эпизоде с Одиссеем! Когда в «Божественной комедии» корабль Улисса (как вслед за латинской традицией поэт называет Одиссея) выходит за пределы Геркулесовых Столбов, тот призывает своих спутников плыть дальше, чтобы узнать «находящийся *позади солнца* безлюдный мир» (*di retro al sol, del mondo sanza gente* (Inferno. XXVI, 117))[23]. Он встречает их полное понимание:

Кормой к рассвету свой шальной полет
На крыльях весел судно устремило,
Все время влево уклоняя ход.

22. Отметим еще, что существовал рассказ о путешествии к Геруту (Гейррёду) Тора (Младшая Эдда. С. 66–68), тогда как имя Торкилль является, очевидно, производным от имени этого бога.
23. Перевод Лозинского здесь следует ошибочной, но, так сказать, почтенной комментаторской традиции: «Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный». В ряде европейских переводов место передано адекватно.

Из приведенных слов (Inferno, XXVI, 124–126) следует, что за пределами Столбов корабль Улисса двигался в юго-западном направлении, причем движение к *югу* выступает более существенным, поскольку становятся видными околополярные звезды южного небесного полушария (XXVI, 127–129):

> Уже в ночи я видел все светила
> Другого остья, и морская грудь
> Склонившееся наше заслонила.

В конце концов корабль поглощает морская бездна, и Улисс оказывается в царстве мертвых — на сей раз без возврата.

Я не берусь рассуждать о том, как интересующие нас идеи и мотивы попали к Данте или Саксону Грамматику. Для наших целей было достаточным показать, какой вероятный ход мысли стоит за локализацией царства мертвых на юге и удостовериться в том, что ключевые составляющие подобного хода мысли засвидетельствованы. И поскольку локализация загробного мира на крайнем юге теперь предстает осмысленной и с разных сторон подкрепленной, нет ни малейших причин считать ее следствием оговорки или беспечности автора «Одиссеи».

4

Если к объяснению того, что говорится о царстве мертвых и киммерийцах в XI песни, удается прийти преимущественно на скандинавском материале, то это можно воспринимать как результат, достигнутый при помощи сравнительного метода. Но можно думать, скорее, о проникновении в Эгеиду выходцев из Скандинавии и их идейном наследии. Результаты моих исследований последних лет побуждают меня считать второй сценарий вполне правдоподобным[24], и здесь я укажу на обстоятельства, подкрепляющие такое заключение в интересующим нас случае.

Влияние гомеровских поэм на греческую культуру было огромным, однако царство Аида, по расхожим представлениям послегомеровского времени, находится не за морем, на другом берегу,

24. См., напр.: *Panchenko D.* New Cultural Elements of European Origin in the Dark Ages of Attica // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2020. Vol. 26. P. 275–295.

а под землей[25]. Иными словами, картина, представленная в «Одиссее», на греческой почве выглядит необычно. Между тем Берег Мертвых фигурирует в скандинавском «Прорицании Вёльвы» (строфа 38):

> Видела дом,
> далекий от солнца,
> на Береге Мертвых,
> дверью на север.

В Скандинавии, как и затем в Исландии, двери домов смотрели на юг[26]. В этом можно усмотреть не только символический, но и практический смысл: в дома, где не было окон, свет и тепло проникали через дверь. По логике контраста с миром мертвых не удивительно, что у тех двери смотрят на север. Однако симметрия предполагает, что мертвые в таком случае живут на юге. Дальнем юге — «далеком от солнца». А что еще это может значить выражение *sólu fjarri*, — с учетом нарочито загадочной манеры «Прорицания Вёльвы», — как не край, куда не достигает солнечный свет, край, *лишенный* солнечного света?! Таким образом, в «Одиссее» и «Прорицании Вёльвы» оказываются три общие характеристики страны мертвых: она находится на берегу, на крайнем юге и лишена солнечного света. «Прорицании Вёльвы» датируют последними столетиями I тыс. н. э., но в этом сочинении присутствуют отзвуки очень древних представлений.

Достойно внимания, далее, что тела покойных в субмикенском некрополе афинского Керамика (XII–XI века до н. э.) были обращены лицом на юг[27]. В соответствии со стандартной интерпретацией такого рода фактов, следует заключить, что царство мертвых мыслилось (теми, кто совершал погребение) находящимся на юге. Конечно, нельзя исключать, что в Аттике так хоронили по каким-то соображениям, отличным от тех, что мы постулировали для Скандинавии. Однако при редкости разме-

25. Ср.: "*…travelling to the Underworld by sail is unparalleled in Greek myth*" (*Burgess J. S.* Localization of the *Odyssey*'s Underworld // Cahiers des études anciennes. 2016. T. 53. P. 23).
26. См.: *Подосинов А. В.* Некоторые вопросы сакральной ориентации по странам света у древних германцев // Первые Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 38–46.
27. *Kraiker W., Kübler K.* Kerameikos. B.: De Gruyter, 1939. Bd. I. S. 9.

щения царства мертвых на юге подобное допущение не является автоматически предпочтительным. В любом случае наличие погребений с южной ориентацией на греческой земле следует учитывать при обсуждении локализации царства теней в «Одиссее»[28].

Итак, маргинальное для греческого мира представление о местонахождении загробного мира и маргинальная погребальная практика, являются вполне укорененными на скандинавской почве. Посмотрим, как обстоят дела с представлениями о перемещении солнца.

Выше мы говорили о том, что скандинавские памятники предполагают смену солнцем транспортного средства: днем его несет небесный конь, а ночью солнце вместе с конем плывут на корабле. Смена солнцем транспортного средства — очень редкая идея, однако она отчетливо выражена в стихах раннего греческого поэта Мимнерма. Если ее появление в Скандинавии объясняется и близостью бескрайнего моря, и знанием о полярном дне, и встречей двух культурных традиций, местной и индоевропейской, то каких-либо оснований для независимого появления такой схемы в Эгеиде не видно. При этом идейная близость между двумя регионами проявляется на изобразительном материале. Корабль как самостоятельный изобразительный мотив — явление, чрезвычайно характерное для датских бритв и шведских петроглифов бронзового века. Корабль в таком качестве встречается и в греческом искусстве геометрического периода — в Аттике, Арголиде и Беотии. И уж совсем примечательно обнаружить и в Швеции (например, выше, рис. 2), и Греции изображения лошади на корабле при отсутствии каких-либо корабельщиков. Причем, по меньшей мере, на двух петроглифах, нескольких бритвах и одной беотийской фибуле в компании с кораблем и лошадью фигурирует солнце[29].

28. В следующий за субмикенским протогеометрический период в Аттике преобладает кремация (как это обстоит в это время и в Скандинавии, и во многих других частях Западной Европы). Когда впоследствии в Аттике вновь становится обычным хоронить покойных в земле, то четкой системы в ориентации тел не прослеживается — разве что некоторое преобладание западной ориентации (*Kurtz D. C., Boardman J.* Greek Burial Customs. P. 54; 71).
29. См.: *Panchenko D.* Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. Fasc. 1. P. 5–20; *Панченко Д. В.* Рипейские горы и Арктика. С. 54–56, рис. 2–3.

Далее, в повествовании о странствиях Одиссея имеются, по меньшей мере, два пассажа, восходящих, судя по всему, к опыту северных мореплавателей. Во-первых, в описании страны лестригонов (Od. X, 82–86) отразилось знакомство с белыми ночами, долгим полярным днем. И даже то, как лестригоны топят корабли Одиссея, — сбрасывая на них огромные камни, — может иметь северную подоплеку. Во всяком случае, такое впечатление складывается при чтении одного из классических романов, описывающих северную Норвегию в начале лета:

> Случались и происшествия: прогремит гром, сорвется и упадет в отвес обломок скалы… Когда потоки талого снега проточат ложбинки в горах, достаточно выстрела, даже громкого крика, чтобы большая глыба сорвалась и рухнула в море[30].

Во-вторых, в строчках «Одиссеи», описывающих растерянность мореплавателей, обнаруживших невозможность определить стороны горизонта на острове Цирцеи (Od. X, 188–192), мы имеем дело с отражением древней космографической конструкции, основанной на опыте, доступном лишь тем, кто плавал в заполярье[31].

Стоит также отметить, что имеется немало параллелей между странствиями Одиссея и приключениями Торкилля в описании Саксона Грамматика, — там есть даже своего рода аналог городу киммерийцев! Как люди Одиссея, чтобы попасть в царство мертвых, переправляются через поток Океана, так и люди Горма и Торкилля, чтобы попасть в страну Герута (которая не названа обителью мертвых, но по описанию похожа на нее[32]), переправляются через реку. Первые оказываются, как мы помним, в стране, где «киммерийских мужей народ и город, скрытые туманом и облаком» (Od. XI, 14–15). Вторые, достигнув другого берега, увидели неподалеку «мрачный и заброшенный город, который более всего напоминал клубящееся облако»[33]. Признаться, я не знаю, какие следует сделать

30. *Гамсун К.* Пан // Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. I. С. 462.
31. Подробней см.: *Панченко Д. В.* Рипейские горы и Арктика. С. 58–60.
32. См.: *Ellis H. R.* The Road to Hel. A Study of the Conception of the Dead in Old Norse Literature. N.Y.: Greenwood Press, 1968. P. 185–194.
33. "*…progressi atrum incultumque oppidum, vaporanti maxime nubi simile, haud procul abesse prospectant*" (*Саксон Грамматик.* Указ. соч. С. 311).

выводы из этого и других сходств. Но примем во внимание (на будущее) зафиксированное у эскимосов Гренландии представление (возможно, заимствованное от скандинавов) о жилище умерших как доме из облака[34]; учтем и то, что непроницаемый туман — скорее северная, нежели средиземноморская тема: в частности, она звучит в полулегендарных средневековых рассказах о фризских и норвежских плаваниях в далеких северных водах[35].

5

Несколько слов об идеях тех ученых, которые, в отличие от большинства, не прошли мимо слов о северном ветре.

Что Одиссей попал к киммерийцам, плывя на юг, а не на север, ясно сознавал Кратет из Маллоса (II век до н. э.). По его интерпретации, плавание происходило в заливе Океана, «протянувшемся от зимнего тропика по направлению к южному полюсу» (Strab. I, 1, 7). Насколько можно понять по дошедшим до нас сообщениям[36], Кратет справедливо указывал, что полугодовая полярная ночь должна наблюдаться в южном полушарии ничуть не меньше, чем в северном, а отсутствие солнечного света в течение другого полугодия он, очевидно, списывал на туман и облака. Поскольку Гомер жил в донаучный век и у нас нет оснований допускать, что в древности кто-либо, добравшись до Антарктиды, принес известие о южной полярной ночи, ученость Кратета ничуть не помогает в понимании слов поэта.

Современные ученые, насколько я мог заметить, упоминали о плавании в южном направлении только затем, чтобы заявить, что оно было на самом деле не в южном. Петер фон дер Мюлль пишет:

34. *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature. E481.8.4.
35. *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. II. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. С. 359, 372. Рихард Хенниг отмечает реальность частых густых туманов в этих водах, особенно у берегов восточной Гренландии (Там же. С. 361, 363). (Я сам дважды доезжал до Нордкапа, и последние двадцать-тридцать километров мне оба раза приходилось преодолевать в таком тумане, какой я больше ни видел нигде и никогда.)
36. *Mette H. J.* Sphairopoiia. Untersuchungen zur Kosmologie des Krates von Pergamon. München: Beck, 1936.

> Борей, вполне возможно, лишь потому назван в X, 507, что поэт думает, будто там, на высоком севере, только этот ветер и дует[37].

Отменная филология! Сначала на основании соображений, ни имеющих ни малейших оснований в тексте «Одиссеи», киммерийцы объявляются «самым северным гомеровским народом», а затем поэту приписывается крайне странная идея, будто на земле есть место, где дует лишь один ветер (который, по-видимому, дует там во всех направлениях). Альфред Хойбек делает следующий, не менее впечатляющий ход:

> Трудно и, может быть, даже неуместно иметь дело с вопросом, в какой стороне горизонта мыслится обиталище народа мрака; и все же представление об их обиталище на темном севере, кажется, рано пробилось в фантазию сказителей. По меньшей мере, на это направление указывает упоминание Цирцеей Борея [и следует ссылка на фон дер Мюлля][38].

Вот так: плавание на юг свидетельствует о плавании на север! В науке, как и в политике, к грубым промахам приводит иллюзия безнаказанности; в политике она рождается от избытка силы, в науке — от уверенности, что все так думают.

В более поздней работе, в оксфордском комментарии к «Одиссее», Хойбек не вспоминает приведенные выше суждения. Он начинает с заявления, что вопрос о гомеровских киммерийцах остается нерешенным[39], но все же отдает предпочтение заключению, согласно которому Одиссей, плывя на юг, попадает на запад (*sic!*), в царство мрака и теней, а уже оттуда через север возвращается к востоку. При ближайшем рассмотрении западная версия локализации обители мертвых и страны киммерийцев оказывается столь же несостоятельной, как и северная, но здесь имеется хотя бы иллюзия опоры на текст «Одиссеи». Дело в том, что в заключительной песни появляется новый эпизод в царстве мертвых, куда, ведомые Гермесом, прилетают души убитых Одиссеем женихов (Od. XXIV, 1–204). Здесь, разумеется,

37. *Von der Mühll P.* Die Kimmerier der Odyssee und Theopomp // Museum Helveticum. 1959. Vol. 16. Fasc 3. S. 149, Anm. 15.
38. *Heubeck A.* Κιμμέριοι // Hermes. 1963. Bd. 91. H. 4. S. 491.
39. *"The location and identity of this people have never been satisfactorily resolved"* (*Heubeck A., Hoekstra A.* A Commentary on Homer's Odyssey. Oxford: Clarendon Press, 1989. Vol. II. P. 77).

вовсе не говорится о том, что это царство находится на западе, но упоминание, оставленное без каких-либо пояснений, «ворот солнца» позволяет строить предположения о том, что речь может идти о движении в западном направлении. И что же — нам предлагают восстановить по осколкам *научную систему*, определяющую нахождение царства мертвых на западе? Применительно к поэзии донаучной эпохи, описывающей сцены из загробной жизни, такая затея кажется сомнительной — не говоря уже о том, что нам предлагают отказаться от ясно выраженного указания на южное направление в одном случае в пользу умозаключаемого западного направления — в другом. Присоединим к общим соображениям более конкретные. Два описания пути к царству мертвых и его окрестностей, в XI и XXIV песнях, являются принципиально различными. В обоих души умерших обитают по ту сторону Океана, но при этом во втором описании (Od. XXIV, 11–14) появляются Левкадская скала, ворота солнца, народ снов (*sic! δῆμος ὀνείρων*), отсутствующие в первом, тогда как в нем не упомянуты ни Персефонин «лес из ракит, свой теряющих плод, и из тополей черных», ни утес, близ которого сливаются реки подземного царства (X, 509–515), ни, наконец, киммерийцы. Ясно, что в двух разных случаях материал почерпнут из разных традиций[40], и сделано это с понятной целью — увлечь аудиторию новыми захватывающими воображение подробностями. Словом, никакая интерпретация Od. XXIV, 11–14 (а здесь весьма далеко до чего-то бесспорного) не может отменить северный ветер в Od. X, 507[41].

Чуть больше, чем обычно, внимания проявлено к словам о направлении плавания Одиссея в недавней статье Джонатана С. Берджеса. В выборе между возможными локализациями царства мертвых ее автор отдает предпочтение той, что способна объяснить слова о северном ветре; таковой он, правда, признает, без ка-

40. Аналитики любят усматривать в этом признак того, что два эпизода сочинены разными поэтами, но я согласен с коллегами Хойбека по оксфордскому комментарию, что такой вывод не является обязательным.

41. За тем обстоятельством, что путешествие Одиссея в страну вечного мрака и обратно занимает всего одни сутки, можно предположить отголосок древней версии мифа, в которой героем выступал солнечный бог, посещавший на своем суточном пути загробный мир. Но коль скоро остров Цирцеи (с которого начинается и на котором завершается плавание) следует поместить не на востоке, а на крайнем севере (*Панченко Д. В.* Рипейские горы и Арктика. С. 54–56), то и по этой схеме загробный мир оказывается на юге, а не на западе.

кой-либо дополнительной аргументации, версию Хойбека в оксфордском комментарии[42].

Александр Подосинов в заметке, написанной в качестве ответа на мой прежний призыв открыть глаза на то, что гомеровские киммерийцы помещены не на севере, а на юге[43], предлагает остроумное рассуждение, согласно которому в «Одиссее» фигурируют как бы два разных Борея: один, что дует с севера в южном направлении, обитает во Фракии, тогда как тот Борей, что по соседству с островом Цирцеи, «правит в своем северном регионе, дуя, куда хочет». Однако трудно предполагать, что автор «Одиссеи», описывая Борей как северный ветер, который то не дает кораблям обогнуть Пелопоннес (IX, 79–81), то несет их от Крита к Египту (XIV, 252–257), мог рассчитывать на то, что в случае с плаванием к царству мертвых его аудитория воспримет направление, куда корабль помчится под воздействием Борея, каким-то иным образом. К этому присоединяются все приведенные выше доводы относительно того, что в соответствии с определенным типом представлений царству мертвых (с которым соседствуют киммерийцы) подобает находится на крайнем юге.

Характерно, что ученые, помещающие киммерийцев на крайнем севере, не проявляют намерения поместить там же и царство мертвых; они как бы забывают об этом соседстве. Но в «Одиссее» это соседство заявлено совершенно отчетливо, и от этого никуда не уйти. Другое дело, ничто не запрещает учитывать возможность того, что образ народа, живущего во мраке и названного киммерийцами, изначально сложился как образ народа северного. В пользу такого допущения, конечно же, говорит то обстоятельство, что благодаря теплому течению, идущему вдоль берегов Норвегии, в Европе было доступно знание о людях, живущих некоторое время среди непрекращающейся ночи. Нетрудно представить, что в восприятии людей, одаренных воображением, «некоторое время» могло превратиться в постоянные условия жизни; и вполне допустимо, что народ, вечно пребывающий во мраке, стал ассоциироваться с темным миром усопших и вслед за этим

42. *Burgess J. S.* Op. cit. P. 29, n. 25.

43. *Панченко Д. В.* Три этюда о гомеровской космографии, географии и навигации (Od. X, 507; III, 318–322; XIII, 28–30) // Аристей. 2012. Т. V. С. 53–71, особ. С. 53–58; *Подосинов А. В.* Где находилась страна киммерийцев в «Одиссее»? // Аристей. 2016. Т. XIV. С. 344–352.

миром был перенесен на юг. Было ли так на самом деле — об этом я не берусь судить.

6

Вернемся наконец к главной загадке относительно киммерийцев: нереальные и реальные в одном лице. Какое все-таки выбрать решение? Казалось бы, незачем множить сущности и присоединять к историческим киммерийцам еще мифических, причем нигде, кроме строк «Одиссеи», не засвидетельствованных. Когда я предлагал версию с неадекватным восприятием греками специфического аккадского выражения, я еще ничего не знал о Трундхольмской солнечной повозке и вообще ничего о скандинавском бронзовом веке (состояние, в котором, предполагаю, продолжают пребывать многие специалисты по гомеровским поэмам и ранней Греции). Теперь моя тогдашняя находка мне кажется ненужной, к тому же с самого начала приходилось предполагать, что обозначение севера как «места, где не видно солнца», засвидетельствованное на аккадском один единственный раз, могло иметь относительно широкое хождение[44]. Но как уже отмечалось, никакого лучшего способа перекинуть мост между историческими киммерийцами и гомеровскими предложено не было. Поэтому я склоняюсь теперь в пользу решения, влиятельного в XIX веке, но отступившего в тень впоследствии[45], когда стали доступны и получили широкую известность ассирийские свидетельства о киммерийцах, — а именно: те киммерийцы, о которых мы слышим в «Одиссее», существовали сами по себе, независимо от исторического народа, чье имя, в самом деле звучавшее очень похоже, было воспринято под влиянием знакомого имени народа мифического.

Едва ли не последним, кто защищал эту точку зрения, был Хойбек. Его рассуждение выглядит следующим образом:

> Мифологическая локализация гомеровской страны киммерийцев у входа в загробный мир исключает их связь с историческими киммерийцами… Крайне трудно поверить, что поэт воспользовался именем и идентичностью народа всадников, вторгшегося с севера, и перенес их на мифическую родину на далеком западе (*sic!*), постоянно окутанную мраком. Гораздо правдопо-

44. На это справедливо указано в: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. С. 58.
45. См.: *Tokhtas'ev S.* Op. cit. S. 8–9; *Иванчик А. И.* Киммерийцы. С. 135.

добней, что греки перенесли имя мифического народа на транскавказцев, поскольку самоназвание северян звучало сходным образом… Можно предполагать, что «киммерийский» — это говорящее (имеющее определенное значение) имя, что киммерийцы — это «живущие в туманной мгле»[46].

Я не помню, чтобы кто-нибудь дал развернутый критический ответ на этот ход мысли[47]. Между тем господствующая точка зрения сопряжена со своими не только смысловыми, но и языковыми трудностями. Во-первых, «с оглядкой на восточные формы ожидалось бы **Κιμμερων*, а не *Κιμμερίων*»[48]. Во-вторых, в ближневосточных обозначениях киммерийцев универсально присутствует звонкий звук, *g*-, тогда как греческий язык не обнаруживает закономерности, объясняющей переход в *k*-. Игорь Дьяконов, подчеркнувший эту проблему, попытался решить ее при помощи громоздкой конструкции[49]. Аскольд Иванчик предпочитает объяснять это явление восприятием греками имени через лидийское посредничество. Насколько я могу судить, в этом нет ничего невозможного, и все же на этом пути раз за разом приходится постулировать особые случаи[50].

Похоже, особое значение приобретает вопрос, действительно ли имя киммерийцев является говорящим и соответствующим специфическим жизненным условиям, описанным в «Одиссее». Этот вопрос, возможно, неразрешим — на одну этимологию всегда (почти) найдется другая. И все же представляется, что этимология, предложенная Хойбеком, стоит еще прочнее,

46. *Heubeck A., Hoekstra A.* Op. cit. P. 78–79.
47. Сергей Тохтасьев пишет, что Хойбек игнорирует аргументы Ниландера — речь идет о заметке последнего, направленной против статьи Хойбека 1963 года (*Tokhtas'ev S.* Op. cit. S. 10, Anm. 31). Это неточно — Хойбек упоминает статью Ниландера. Другое дело, что он не обсуждает высказанных тем возражений. Но это не должно создавать иллюзию, будто в них и содержится самое важное. Все, на что указывает Ниландер, — это факт, что имя исторического народа имеет в ассирийских источниках относительно устойчивую форму — *Gamir* или *Gimir* (*Nylander C.* Κιμμέριοι — Gimirraa // Hermes. 1965. Bd. 93. H. 1. S. 131–132). Из этого указания едва ли следует что-либо принципиальное.
48. *Тохтасьев С. Р.* К орфографии рукописей Гомера в архаический период: I // Colloquia classica et indo-germanica — IV. СПб.: Наука, 2008. С. 72.
49. *Diakonoff I. M.* The Cimmerians // Monumentum Georg Morgenstierne. Leiden: E. J. Brill, 1981. P. 103–140; критика: *Иванчик А. И.* Киммерийцы. С. 138–141.
50. Там же. С. 141–146.

чем он сам думал. В ее основе лежит принадлежащее Гюнтеру Нойманну сближение хеттского слова *kammara*, «дым, облако» с глоссами в словаре Гезихия: *κάμμερος: ἀχλύς* («мгла»); *κέμμερος: ἀχλύς, ὀμίχλη* («туман»). Хойбек присоединил сюда отождествление *κέμμερος* и *ὀμίχλη*, данное в *Etymologicum magnum*, а также свои соображения о вероятном греческом заимствовании слова из анатолийских источников. Этимология была принята Пьером Шантреном — автором весьма авторитетного этимологического словаря греческого языка[51]. Специфическая связь с анатолийскими источниками представляется при этом совершенно необязательной. В начале 1960-х в науке практически отсутствовало представление о том, в какой степени Восточное Средиземноморье было связано с Европой в эпоху кризиса микенской цивилизации и начальной стадии «темных веков», хотя даже без всякой археологии, на основании одних только древних свидетельств можно заключить, что фригийцы, мисийцы и лидийцы пришли в Малую Азию из Европы. Археологические исследования выявили тесное родство наступательного и оборонительного вооружения, погребальных практик, репертуара символических изображений и проч. на огромном пространстве, включающем северо-западную Европу, Придунавье, Италию, Эгеиду[52]. На территории Эгеиды появлялось множество групп вооруженных людей весьма разного происхождения. Отсюда следует большое разнообразие вариантов попадания к грекам и в греческий язык имени киммерийцев и представления о них. Нет никаких оснований отрицать вероятность того, что интересующее нас слово является индоевропейским, причем именно с тем значением (более или менее), к которому пришел Хойбек.

51. В обеих цитируемых здесь книгах Иванчик отмечает и саму этимологию, и ее признание Шантреном (Там же. С. 135; *Он же*. Накануне колонизации. С. 56), однако своего отношения не высказывает.
52. *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B.C. Praha: Academia, 1985; *Idem*. Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered: P. Åström, 1997; *Губанов И. Б.* Бронзовый век Севера и Юга Европы: проблемы межэтнических контактов и реконструкции социальной структуры древнего общества. СПб.: Наука, 2006; *Kristiansen K., Suchowska-Ducke P.* Connected Histories: the Dynamics of Bronze Age Interaction and Trade 1500–1100 BC // Proceedings of the Prehistoric Society. 2015. Vol. 81. P. 361–392; *Панченко Д. В.* Бритва как принадлежность воина европейского бронзового века: знак и функция // Stratum plus. 2021. № 2. С. 253–262.

Представляется весьма возможным, например, что оно восходит к индоевропейской основе **k'em-* со значением «покрывать, скрывать»[53]. К ней, судя по всему, восходят такие слова, как немецкое *Himmel*, готское *himins*, древнескандинавское *himinn*, «небо» (возможно, и финское слово *hämärä*, "сумерки, закат», заимствованное у индоевропейских соседей). И если в силу приведенных выше причин думать о скандинавском происхождении имени киммерийцев, то переход индоевропейского корневого гласного **e* перед носовым звуком в *i* для прагерманского является регулярным[54].

А вот еще одна глосса Гезихия (специалисты по киммерийскому вопросу любят обходить ее молчанием): *Κιμμερὶς θεά: ἡ μήτηρ τῶν θεῶν* («Киммерская богиня: мать богов»). Трудно установить какую-либо связь между богиней Киммерис и народом, вторгшемся в Малую Азию. Что же касается матери богов, то она, по логике вещей, изначально должна быть либо землей, либо небом. Этимологически небо подходит.

Мы видим, что для имени киммерийцев, скрытых, по словам автора «Одиссеи», туманом и мглой, находится немало слов, связанных с мглой, темнотой и сокрытием. Это делает их происхождение от наделавших шуму своими набегами *gimir/gamir* в особенной степени малоправдоподобным.

Итак, мы имеем дело с удивительной *игрой случая*. Имя мифического народа киммерийцев (возможно, некогда занятого переправкой за море душ умерших) оказалось созвучным самоназванию народа, который в VII веке до н. э. вторгся в Малую Азию, учинил разгром Лидийскому царству, обрушился на греческий город Магнесию на реке Меандре. Греки стали называть этот народ в точности так же, как в «Одиссее» именовались соседи загробного мира. Самим грекам это показалось удивительным. Одни решили переименовать гомеровских киммерийцев — уже Софокл (в неизвестной сатировой драме), а за ним Аристофан, в «Лягушках», шутливо прозвали их керберийцами, и надо сказать, что некоторые древние филологи отнеслись к этой шутке всерьез. Другие, проявляя ученость, поместили гомеровских киммерийцев в области полярной ночи; третьи сочли, что для их местоположения сойдут и туманы Колхиды. Словом, было

53. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: A. Francke, 1959. Bd. I. S. 556–557.

54. Я признателен Александру Николаеву за разъяснение ряда лингвистических аспектов вопроса.

придумано много всего занимательного. Единственное указание в гомеровском тексте, которое содержало дополнительную информацию о киммерийцах и тем самым могло пролить хотя бы тусклый свет на окутывающий их мрак — то, что они, как и царство мертвых, находятся на крайнем юге, — ученые, древние и новые, последовательно игнорировали. Теперь мы, может быть, кое в чем разобрались.

Библиография

Гамсун К. Пан // Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. I.

Губанов И. Б. Бронзовый век Севера и Юга Европы: проблемы межэтнических контактов и реконструкции социальной структуры древнего общества. СПб.: Наука, 2006.

Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н. э. М.: Институт всеобщей истории, 1996.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII веков до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин: Палеограф, 2005. С. 53–66.

Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2006.

Панченко Д. В. Бритва как принадлежность воина европейского бронзового века: знак и функция // Stratum plus. 2021. № 2. С. 253–262.

Панченко Д. В. Гомер. «Илиада». Троя. СПб.: ЕУСПб, 2016.

Панченко Д. В. Рипейские горы и Арктика: о происхождении одного влиятельного представления // Новый Гермес. 2021. Т. 13. № 4. С. 51–80.

Панченко Д. В. Три этюда о гомеровской космографии, географии и навигации (Od. X, 507; III, 318–322; XIII, 28–30) // Аристей. 2012. Т. V. С. 53–71.

Панченко Д. В. Формирование представления о шарообразности Солнца в греческой философии и науке // ΣΧΟΛΗ. 2019. Т. 13. № 1. С. 235–250.

Подосинов А. В. Где находилась страна киммерийцев в «Одиссее»? // Аристей. 2016. Т. XIV. С. 344–352.

Подосинов А. В. Некоторые вопросы сакральной ориентации по странам света у древних германцев // Первые Скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 38–46.

Подосинов А. В. Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах. М.: Языки русской культуры, 1999.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Наука, 1950.

Саксон Грамматик. Деяния данов: В 2 т. (16 кн.). Т. 1: Кн. I–IX / Пер. и комм. А. С. Досаева, под ред. И. А. Настенко. М.: Русская панорама, 2017.

Тохтасьев С. Р. К орфографии рукописей Гомера в архаический период: I // Colloquia classica et indo-germanica — IV. СПб.: Наука, 2008.

Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

Bouzek J. Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered: P. Åström, 1997.
Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha: Academia, 1985.
Bridgman T. Who Were the Cimmerians? // Hermathena. Summer 1998. № 164. P. 31–64.
Burgess J. S. Localization of the Odyssey's Underworld // Cahiers des études anciennes. 2016. T. 53.
Diakonoff I. M. The Cimmerians // Monumentum Georg Morgenstierne. Leiden: E. J. Brill, 1981. P. 103–140.
Ellis H. R. The Road to Hel. A Study of the Conception of the Dead in Old Norse Literature. N.Y.: Greenwood Press, 1968. P. 185–194.
Glob P. V. Danish Prehistoric Monuments. L.: Faber, 1971.
Glob P. V. The Mound People. Danish Bronze-Age Man Preserved. L.: Cornell University Press, 1974.
Heubeck A. Κιμμέριοι // Hermes. 1963. Bd. 91. H. 4.
Heubeck A., Hoekstra A. A Commentary on Homer's Odyssey. Oxford: Clarendon Press, 1989.
Kaul F. The Possibilities for an Afterlife. Souls and Cosmology in the Nordic Bronze Age // Between the Worlds. Contexts, Sources, and Analogues of Scandinavian Otherworld Journeys / M. Egeler, W. Heizmann (eds). B.; Boston: De Gruyter, 2020. P. 185–202.
Kirfel W. Die Kosmographie der Inder. Bonn; Leipzig: Kurt Schroeder, 1920.
Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. B.: De Gruyter, 1939. Bd. I.
Kristiansen K., Suchowska-Ducke P. Connected Histories: the Dynamics of Bronze Age Interaction and Trade 1500–1100 BC // Proceedings of the Prehistoric Society. 2015. Vol. 81. P. 361–392.
Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. L.: Thames and Hudson, 1971.
Larsen K. A. Solvogn og Solkult // Kuml. 1955. Vol. 5. № 5. P. 46–64.
Mette H. J. Sphairopoiia. Untersuchungen zur Kosmologie des Krates von Pergamon. München: Beck, 1936.
Müller-Wille M. Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte. Neumünster: Wachholtz, 1970 (= Offa, Bd. 25/26, 1968/1969). S. 14–17.
Nylander C. Κιμμέριοι — Gimirraa // Hermes. 1965. Bd. 93. H. 1. S. 131–132.
Panchenko D. Anaximenean Astronomy in the Light of Chinese Parallels // Tsinghua Studies in Western Philosophy. 2015. Vol. I. № 2. 412–426.
Panchenko D. New Cultural Elements of European Origin in the Dark Ages of Attica // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2020. Vol. 26. P. 275–295.
Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. Fasc. 1. P. 5–20.
Panchenko D. The Perpetual Darkness of the Cimmerians: An Explanation // Hyperboreus. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. P. 396–398.
Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: A. Francke, 1959.
Tokhtas'ev S. R. Cimmerians // Encyclopædia Iranica. Vol. V. Fasc. 6. P. 563–567. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/cimmerians-nomads.
Tokhtas'ev S. R. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus. 1996. Vol. 2. Fasc. 1. S. 1–46.

Von der Mühll P. Die Kimmerier der Odyssee und Theopomp // Museum Helveticum. 1959. Vol. 16. Fasc 3. S. 145–151.
Welcker J. G. Kleine Schriften. Bonn: E. Weber, 1845. T. 2. S. 1–59.
West M. L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford: Oxford University Press, 2007.
West M. L. The Making of the Odyssey. Oxford: Oxford University Press, 2014.
Xydopoulos I. K. The Cimmerians: Their Origins, Movements and Their Difficulties // The Danubian Lands Between the Black, Aegean and Adriatic Seas / G. R. Tsetskhladze, A. Avram, J. Hargrave (eds.). Oxford: Archaeopress, 2015. P. 119–126.

BANEFUL NIGHT OF CIMMERIAN LAND: POETRY, HISTORY AND THE WHIM OF CHANCE

Dmitri Panchenko. Saint Petersburg State University (SPbU); National Research University — Higher School of Economics in St. Petersburg (HSE), Russia, dmpanchenko@yahoo.com.

Keywords: Homer; the Odyssey; Cimmerians; the realm of the dead; cosmological ideas; Bronze Age Scandinavia.

The Odyssey places "the city of the Cimmerian men" in the immediate vicinity of the realm of the dead — in an area that is never illuminated by the rays of the sun. Meanwhile, Greek writers call by the same name «Cimmerians» a real people who invaded in the 7th century BC Asia Minor and who are called "gimir"/"gamir" in Assyrian sources. This context gave rise to many ingenious, sometimes extravagant lines of thought in the minds of scholars — ancient and modern. Two ideas became especially influential: according to one, the Cimmerians are the most northern people living in the conditions of the polar night; according to another, the Homeric image was due to the reports of fogs covering the shores of the Black Sea Colchis. A common tendency, however, was to ignore the poet's words that "the breath of the North Wind" will bear Odysseus's ship towards the realm of the dead. These words clearly imply that this realm is located in the extreme south, but such a conclusion seemed so strange to scholars that they preferred to pass over the issue in silence.

The article explains that the unusual localization of the realm of the dead goes back to the Bronze Age. It is the notion of a solar disk bright only on one side, which stands behind such a localization. *The Odyssey* depends on a particular version of this notion that came, apparently, from Scandinavia. As for similar sounding of the names of imagined and real peoples, it is the whim of chance.

DOI: 10.22394/0869-5377-2022-4-199-233